

Р. Гюнтер, А. Р. Корсунский

**Упадок и гибель Западной Римской империи
И возникновение германских королевств до
середины VI века**

УДК 93
ББК 63.3
Р11

Р. Гюнтер
P11 Упадок и гибель Западной Римской империи: И возникновение германских королевств до середины VI века / Р. Гюнтер, А. Р. Корсунский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 254 с.

ISBN 978-5-458-35984-9

Монография посвящена проблеме перехода от античности к средневековью. В работе показан упадок римского рабовладельческого общества и возникновение и развитие (или гибель) германских королевств до середины VI в., рассматриваемые как длительный революционный процесс социальных, экономических и политических преобразований. Книга содержит обширный фактический материал, обосновывающий стройную концепцию авторов. Особую ценность ей придает интенсивное использование новейшей специальной литературы по истории античности и раннего средневековья и данных археологических исследований.

ISBN 978-5-458-35984-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

лишь в процессе становления самой революционной эпохи; они сформировались не внутри старого, обреченного на гибель общественного порядка, а «при родовых муках новой цивилизации»¹. В исследуемый период в указанных регионах ни знать, ни крестьяне еще не сложились в классы, не стала еще выразительницей классовых интересов и королевская власть. «Сырой материал» для будущих классов феодального общества возникал прежде всего в ходе распада родового строя.

Поэтому особенностью этой эпохи социальной революции является то, что наряду с классовой борьбой свободных мелких производителей (колонов, ремесленников, поденщиков и т. п.), а также рабов, вылившейся в народные движения поздней античности, исчерпавшие свои ресурсы в «перманентном мятеже»², политическая борьба против гибнущего рабовладельческого общества велась преимущественно силами, которые первоначально классами не были, но в ходе революции и как ее результат сформировались в основные классы нового феодального общества.

В синтезе феодальных элементов обеих гибнущих общественных формаций, рабовладельческого общества и родового строя были преодолены пережитки и той и другой. Возник новый экономический базис, сложилась новая политическая власть.

Социальный переворот, который здесь произошел, был вместе с тем связан с превосходством новых производительных сил, которые отныне, не встречая препятствий и помех со стороны рабовладельческого общества, могли свободно развиваться³.

Поскольку авторы данной работы относят внутреннее развитие и позднеримского и варварского общества к важнейшим социально-экономическим предпосылкам этого социального переворота, они сочли необходимым дать краткую характеристику основных черт общего кризиса позднеримского рабовладельческого общества и важнейших явлений процесса распада родового строя варваров, поселившихся на территории Западной Римской империи.

Упомянутые прогрессивные изменения, отражающие преобразование общественного строя в Западной Европе, складывались в ходе непрерывной борьбы Империи с варварами. В процессе этой борьбы варварские племенные союзы внедрились в общественный и политический организм Поздней империи, сопротивляясь, однако, попыткам романизации, исходившим от государства и католической церкви; с течением времени они превратились из внешнего во внутренний фактор исторического процесса и создали свои собственные королевства.

Основное содержание истории этих варварских королевств в V—VI вв. составляли уничтожение рабовладельческой системы и родового строя, а также генезис феодальных отношений.

Под этим углом зрения авторы, используя собранный в специальной литературе фактический материал, а также основываясь на собственных исследованиях источников, прослеживают историю варварских королевств, начиная с их возникновения в V в. и вплоть до времени их преобразования в раннефеодальные государства.

ГЛАВА

1

Кризис античного рабовладельческого общества в Западной Римской империи

С конца II в. кризис рабовладельческих отношений охватил все сферы жизни римского общества и государства, особенно в западных провинциях Империи. Упадок рабовладения шел не прямолинейно и не одновременно во всех провинциях. Там, где рабовладельческие отношения были наиболее развиты, кризис достиг наибольшей остроты. Стагнация и регресс рабовладения занимали длительный период времени и завершились не скоро. Следствием кризиса было углубление противоречий между Италией и провинциями¹.

Во владениях магнатов сложился позднеантичный колонат, все более превосходивший по своему значению рабство. Многие города обеднели. Ремесла и торговля постепенно приходили в упадок, а ремесленное производство стало перемещаться во владения крупных земельных магнатов. Серьезную опасность представляло ослабление финансовой мощи государства: содержание благородных металлов в монете стремительно падало, цены росли, налоги и подати увеличивались. Ухудшение экономического положения ощущалось в первую очередь массой рядового свободного населения, все более нищавшего, колонами и свободными крестьянами в сельских местностях, ремесленниками и мелкими торговцами в городах².

Эти слои составили теперь массу *humiliores*, проступки которых строго карались вплоть до ссылки на рудники и смертной казни, тогда как *honestiores* подвергались за аналогичные проступки более мягким наказаниям, а подчас и вообще оставались безнаказанными³. Государственная власть теряла свою стабильность, представители крупной земельной аристократии и высших слоев муниципалитета враждовали и боролись друг с другом. Казалось, что под натиском варварских вторжений III в. и многочисленных узурпаций государство распадется. В ходе нападений варваров были безвозвратно потеряны большие области — декуматные поля в Верхней Германии и богатая провинция Дакия. Пополнение армии римскими гражданами уменьшалось. Все большее число военных отрядов варваров переходило на римскую службу⁴.

Множились признаки того, что государство Ранней Римской империи, принципат, уже не способно даже временно стабилизировать социальные и политические отношения. В ходе этого кризиса распался политический союз отдельных слоев и институтов господствующего класса, союз между императорской властью, сенаторской аристократией, всадниками и верхушкой муниципалитета. Между тем в период Ранней империи на этом союзе основывалась организация политической власти господствующего класса. В III в. сенаторская аристократия была удалена почти со всех командных постов в армии и в провинциях и заменена всадниками. Римский сенат был оттеснен на задний план и его решения потеряли почти всякое значение; основными стали постановления «тронного совета» (*sacrum consistorium*).

Вследствие начинающегося распада существовавших до сих пор основных социальных классов — рабов и рабовладельцев — и постепенного вытеснения высших муниципальных слоев из рядов господствующего класса возникла необходимость структурного преобразования государства в качестве орудия власти господствующего класса⁵.

Эти политические изменения произошли главным образом в период правления Диоклетиана (284—305) и Константина (306—337). Возник доминат или Поздняя Римская империя (284—476).

Переход к доминату знаменовал собой начало последнего периода в истории Западной Римской империи — общественного строя, основанного на рабовладении. Высшая ступень в развитии античной военной диктатуры должна была предотвратить дальнейший упадок государства. И в самом деле, доминат привел к временному ограниченному восстановлению и консервации распадающейся системы господства⁶.

Господствующим классом при доминате были крупные землевладельцы, в число которых входили члены императорского дома и во все большей степени христианская церковь. Эти крупные земельные магнаты сумели изъять свои владения из территорий городов. Они часто получали особые привилегии, благодаря которым лишь формально оставались под контролем императора, обретая фактически все большую независимость. В это время крупная земельная аристократия не является уже только сенаторской аристократией; многие всадники также имели крупные экзимирированные земельные владения⁷.

Эти крупные землевладельцы стали в своем дальнейшем развитии предшественниками средневековых феодалов, подобно тому как позднеантичные колонны стали предшественниками феодально-зависимых крепостных. Однако крупные магнаты эпохи домината феодалами все-таки не были, поскольку господствовавший в поздней античности способ производства соответствовал находящемуся в упадке рабовладельческому обществу⁸. Посредством приобретения налогового иммунитета, расширения патроната и распространения прекарных договоров крупные землевладельцы антич-

ности пытались (часто противодействуя тем самым политике центральной власти) упрочить свою экономическую власть и свое положение в государстве. Постепенно, не обладая юридическими правами на это, они создавали в своих владениях собственные органы власти и угнетения — тюрьмы, военные отряды (*buccellarii*), укрепления, собственные церкви. Они владели латифундиями, разбросанными по различным провинциям империи, и не были, как позже феодалы, связаны с какой-либо определенной местностью.

В IV—V вв. сенаторская аристократия разделилась на три слоя, резко отграниченных друг от друга по своему рангу: *illustres*, *spectabiles* и *clarissimi*. В лице *illustres* возникла высшая знать, способная по своему имущественному положению конкурировать с императором⁹.

В конце III в. почти все позиции, принадлежавшие прежде сенаторам, заняли представители всаднического сословия. Однако при Константине I политика императора по отношению к сенату изменилась: сенаторы стали вновь занимать высокие государственные должности, прежде всего в западной части Империи. Вместе с тем Константин I изменил относительную значимость сенаторской знати, возведя большую часть всадников в ранг сенаторов. В исключительных случаях достигнуть ранга сенаторов удавалось и наиболее богатым представителям высших муниципальных слоев. Служба в императорском бюрократическом аппарате, в суде или назначение на высокие командные должности в армии открывали для всадников и наиболее богатых декурионов путь в ряды сенаторской знати¹⁰. Высшие муниципальные слои утратили при доминате свое прежнее влиятельное положение. Причиной этого были в первую очередь постепенный экономический и социальный упадок многих городов, особенно на западе Империи, начинающееся в связи с общим кризисом рабовладельческого строя изменение отношения между городом и сельской местностью. Изъятие из городских территорий крупных земельных владений в значительной степени ослабило и финансовую силу городов. Многим городам приходилось преодолевать экономические трудности. Стремясь сохранить неизменными налоги и снабжение армии, некоторые императоры пытались оказать поддержку высшим слоям муниципалитета и защитить их от злоупотреблений крупных землевладельцев. Однако эти меры не дали ощутимых результатов. Муниципальная аристократия повсюду теряла свое политическое значение; правда, и это явление имело свои локальные особенности. Многие декурионы предпочитали бежать в сельские местности и выдавать себя за колонов, чем пользоваться ставшей теперь сомнительной честью декурионата¹¹. В поселениях ветеранов также проявляется новая тенденция. Если раньше они, как правило, селились на городской земле и тем самым постоянно вливали новые силы в высшие муниципальные слои, то после освобождения ветеранов от муниципальных податей доходы городов стали все более сокращаться. К тому же

с этого времени ветераны стали все чаще получать земельные наделы на пустующих, необрабатываемых, далеких и заброшенных землях, находившихся в частном или императорском владении¹². Вследствие этого в V в. ветераны усиливали уже не высшие городские слои, а власть крупных землевладельцев. Социальная дифференциация среди ветеранов привела к тому, что некоторые из них стали крупными земельными магнатами, большинство же в результате патрониния стали зависимыми людьми крупных землевладельцев. Германские наемники на римской службе также получали земельные наделы, преимущественно в пограничных областях (*limitanei, gentiles, laeti*), что в свою очередь не способствовало дальнейшему развитию городов. Варваризация армии в Поздней Римской империи оказала влияние и на процесс изменения классовой структуры общества¹³.

Эксплуатируемыми классами были в период домината хозяйствующие самостоятельно (хотя и в ограниченной степени) свободные и зависимые мелкие производители и рабы. К числу мелких производителей относились различные социальные слои колоната — *originarii, adscripticii, coloni liberi*, а также *laeti, inquilini, limitanei, gentiles*; кроме того, свободные крестьяне и мелкие ремесленники в городах, деревнях и во владениях крупных земельных магнатов. Рабы также не были едины по своему положению в обществе. Постепенно оба эксплуатируемых класса сближались в своей хозяйственной деятельности и по своему социальному положению, хотя различия личноправового характера между свободными и несвободными сохранялись; юридически колонаты, как правило, не считались рабами¹⁴. Рабовладение, несмотря на увеличение отпусков на волю и на то, что оно в поздней античности постепенно теряло свое значение, все еще оставалось присущим этому строю производственным отношением.

Поскольку, однако, рабы, владевшие на правах пекулия земельным участком, эти квази-колонаты, в хозяйственном отношении ничем не отличались от настоящих колонов, а рабы, получившие в пекулий маленькую мастерскую в городе или сельской местности, едва ли отличались от юридически свободных, но зависимых ремесленников, то императорское законодательство поздней античности сталкивалось в теоретико-правовом аспекте с большими трудностями, когда приходилось проводить строгое юридическое различие между обеими этими категориями¹⁵. Хотя колонаты поздней античности являются в известной мере провозвестниками новых социальных отношений, которые ведут от приходящего в упадок рабовладельческого общества к феодальному, многочисленные юридические источники периода домината и ранней Византии свидетельствуют о том, насколько этот институт связан со старым гибнущим обществом. Колонат попал в сферу воздействия отмирающего рабовладения. Наиболее распространенный низший слой колонов (*adscripticii* и *originarii*) не имел ни собственной земли, ни сельскохозяйственных орудий, ни каких-либо прав собственности¹⁶. Их владения отождествлялись с пекулием рабов¹⁷. Очень

часто приговоры по делам колонов и рабов были одинаково суровыми. Колоны считались *servi terrae* — рабами, посаженными на землю¹⁸. Закон императора Аркадия «почти» приравнивает колонов рабам их господина¹⁹. К VI в. социальное сближение рабов и колонов достигло такой степени, что юристы с большим трудом проводили различие между ними: «В чем же различие между рабами и занесенными в налоговый реестр колонами, если те и другие находятся во власти своего господина, который может освободить раба с его пекулием и отпустить колона с его земельным участком из своих владений?»²⁰. Закон Валентиниана III также отрицает право *coloni originarii* на личную свободу. Колоны подчинялись власти *pater familias*. На рабов, как и на колонов, не распространялось право церковного убежища. Колонов и рабов объединяло общее отношение подданства — *conditio subdita*²¹. Колоны, так же как рабы, были частью *proprietas* господина²². Как пекулий рассматривались и *res propria* и *facultates* колонов, их личное имущество²³.

О тяжелом положении колонов идет речь и в нарративных источниках, например у Сальвиана из Массилии в Галлии и у Иоанна Златоуста на Востоке. На языке латинских юристов слово «*faex*» (отребье, подонки) определяло как беднейших свободных, так и рабов²⁴.

Уже с эпохи реформ Диоклетиана колоны были прикреплены к земле, хотя это явление не было единообразным и одновременным для всей Империи. В 332 г. Константин I предписал, чтобы тот, кто принял беглого колона, вернул его прежнему владельцу и сверх того возместил не выплаченную за этот период подать; колона, подозреваемого в намерении бежать, следовало заковать в кандалы, подобно рабу²⁵. Колонам запрещалось добровольно поступать на военную службу, так как тем самым они изменяли свой социальный статус²⁶.

В период поздней античности рабство все более теряло свое хозяйственное значение, хотя полностью оно не исчезло ни в сельских местностях, ни в городах. Согласно христианским источникам этого времени, отпуск на волю рабов, предварительно обученных какому-либо ремеслу, способному обеспечить их существование, считался особенно богоугодным делом, хотя это и не было призывом к общему освобождению рабов²⁷. Рабы по-прежнему встречаются в знатных и богатых домах. Рабы выполняют черную работу, числом рабов хвастаются, ибо в этом — признак богатства. И в сельских местностях колонат не полностью вытеснил рабство; данные нарративных источников свидетельствуют об уменьшении роли рабства в сельском хозяйстве, но не об его исчезновении²⁸. Положение рабов при доминате по сравнению с их участью в период Римской республики несколько улучшилось благодаря сближению с колонатом. Поскольку приток рабов был уже не столь обильным, как раньше, а потребность в рабах уменьшалась медленно, цены на рабов в Поздней империи поднялись. Труд специально обученных рабов на виноградниках, на оливковых

плантациях или в мастерских (если им был обещан соответственный пекулий) мог оказаться более производительным, чем труд колоннов, у которых было менее развито разделение труда.

В земельных владениях крупной провинциальной аристократии рабы еще были неотъемлемой принадлежностью повседневного быта. В мировоззрении и мироощущении некоторых гордых своим происхождением представителей знатных домов времена вообще не изменились. Рабы и клиенты составляли их свиту, когда они куда-либо отправлялись. Рабы были воспитателями их детей. В рабство иногда обращались и пленные варвары, хотя обычно их испомещали на землю в качестве зависимых крестьян. Римская аристократия и теперь, как прежде, считала презрешным не только тяжелый физический труд ремесленников, но и сельскохозяйственную деятельность крестьян²⁹.

Городской плебс, торговцы, ремесленники, рабочие, живущие случайным заработком, также все больше страдали под растущим гнетом, оказываемым городскими учреждениями. Многие ремесленники одинаковых профессий объединились в коллегии уже ко времени Римской республики; теперь позднеримское государство осуществляло над ними строгий надзор и контроль. Большинство коллегий стало принудительными объединениями; ремесленникам запрещалось менять профессию, и сын должен был наследовать профессию отца³⁰. В конце IV в. ремесленники Западной империи не имели права занимать муниципальные должности, поступать на военную службу, принимать сан священника или скрываться в сельской местности. Беднейшая часть городского плебса существовала на грани самого низкого уровня и жила лишь за счет пожалований и поставок продуктов питания богатыми людьми и муниципальными управлениями³¹.

В политическом отношении городской плебс отнюдь не был инертной массой. Наибольшие опасения, особенно когда прекращался подвоз зерна, вызывал плебс города Рима, выступавший с протестом против непопулярных чиновников и сенаторов³². Еще в 468 г. крупный галло-римский землевладелец и писатель Аполлинарий Сидоний, который в качестве префекта города Рима нес в этот год ответственность за обеспечение римского плебса зерном, высказывал опасение, что этот слой населения может поднять голодный бунт³³. Цирковыми представлениями, театральными зрелищами и скачками господствующий класс пытался утихомирить плебеев. Обедневший городской плебс не испытывал еще экономического принуждения, которое заставило бы его продавать свою рабочую силу; но средства к существованию предоставлялись ему только в городах. Как только плебеи появлялись в сельских местностях, вблизи владений магнатов, их сразу же объявляли лицами без определенных профессий, бродягами и причисляли к колоннам³⁴.

Имущие представители городского плебса жили в постоянном страхе, как бы их жалкое благополучие не стало известно городским властям. В этом случае их могли бы принудить «подняться»

до уровня декурионов, что, сделав их ответственными за внесение городских налогов, в самое короткое время привело бы к полному разорению.

Ремесленное производство с конца III в. значительно сократилось. Города обеднели, городские рынки уменьшились, покупательная способность свободного населения, за исключением высших слоев господствующего класса, сократилась. Изготовление оружия и одежды государство взяло в свои руки; около 400 г. в Западной Римской империи было 20 таких «fabricae», находившихся в непосредственном ведении государства³⁵.

Экономические трудности проявлялись как в сельском хозяйстве, так и в городском ремесле. В обеих сферах сокращалось производство. Регрессивные тенденции обнаруживались также в торговле между провинциями и в экспорте. Причины всего этого были очень сложными по своему характеру. Упадок многих городов ограничивал емкость городского рынка; рост производства предметов роскоши для удовлетворения потребностей господствующего класса компенсировал это лишь в незначительной степени. Ряд продуктов ремесленного производства поглощала, правда, постоянно увеличивающаяся армия; однако многие из этих товаров изготавливались в сабае лагерей легионеров или в гражданских *vicī* при военных гарнизонах. Во многих городах потреблялось больше, чем производилось. Стоимость денег стала падать.

Общий кризис рабовладельческого общества, разорение непосредственных производителей привели не к массовой безработице, а к осязаемому недостатку рабочей силы, особенно в сельском хозяйстве. К тому же население убывало из-за многочисленных войн и эпидемий чумы. Около 400 г. в ряде провинций Западной Римской империи значительная часть пригодной для обработки земли не возделывалась, особенно распространено это было в Италии и Северной Африке³⁶. Обещания императоров предоставить пустующую землю каждому, кто станет ее возделывать, и в течение ряда лет не взимать с нее налогов не привели к желаемому результату. На пустующие земли все чаще селили пленных варваров в качестве зависимых крестьян. Технические новшества, такие, как распространение водяной мельницы и жнейки, которые могли бы возместить недостаток рабочей силы, не привились. В этом проявилось растущее противоречие между характером производственных отношений и производительных сил³⁷.

Система реквизиций и конфискации для удовлетворения растущих потребностей армии и бюрократии превратилась в бич эксплуатируемых классов. Находящимся в походе военным подразделениям и чиновникам имперского провинциального управления должны были предоставляться квартиры, продукты питания, выючные животные; предписывалось выполнять и другие непредвиденные требования. Поэтому многие крестьяне, принужденные к тому бедственным положением, предпочитали перейти под власть влиятельного соседнего магната, который брал их под свою «защиту», расширяя таким образом свои владения. Крупное земле-

владение в сельских местностях приобрело в Поздней империи первостепенную значимость³⁸.

На ранней стадии домината императоры пытались посредством различных политических и социальных реформ регулировать сложившуюся ситуацию.

Борьба с внешними врагами, узурпаторами внутри империи и с народными восстаниями в провинциях потребовала большего расчленения центральной власти Империи. В 285 г. император Диоклетиан назначил своего соратника Максимиана цезарем, а в последующем году августом и передал ему управление Западной империей. Реорганизация армии, начатая уже в середине III в., продолжалась; усилилась защита границ, постоянная армия получила подкрепление³⁹.

Разделение военной власти, при котором Диоклетиан, однако, сохранял приоритет, в 293 г. продолжалось. Каждый император назначал испытанного восначальника цезарем, соправителем и преемником и предоставлял ему определенную территорию в своей части Империи. Подобная форма господства получила название тетрархии. Государственное единство Империи было сохранено, и Диоклетиан был признан тремя его соправителями императором высшего ранга. Констанцию, цезарю Максимиана, были подчинены Галлия, Испания и Британия⁴⁰. В силу идеи и традиции Рим оставался столицей мира (*caput* или *vertex mundi*), но уже не был постоянной резиденцией императора. Диоклетиан избрал своей резиденцией малоазийский город Никомедию, двор его цезаря Галерия находился в Сирмии на Саве, столицей Максимиана был Медиолан (Милан) в Северной Италии, откуда ему было легче контролировать альпийские проходы, а Трир и Эбурак (Йорк) стали излюбленным местопребыванием Констанция.

Если учреждение тетрархии имело своей главной целью упрочить военную силу, то реформа провинциального управления должна была усилить контроль над гражданским управлением. Наместники провинций, которые в Ранней империи были одновременно и восначальниками расквартированных в их провинциях военных частей, теперь полностью сосредоточили свою деятельность на гражданском управлении, обращая особое внимание на поступление налогов. Этот процесс начался уже в середине III в. После того как уже в 296 г. было отменено существовавшее со времени Августа отдельное управление Египтом, в 297 г. была проведена реформа всего управления Империи. Римская империя (*Imperium Romanum*) была разделена на 12 диоцезов. Посредством деления старых больших провинций число провинций было доведено до 101. Поскольку новые провинции, как правило, были значительно меньше прежних, теперь с помощью преобразованного — по сравнению со временем принципата — личного состава административного аппарата легче осуществлялись меры государственного контроля и угнетения⁴¹.

Время растущего налогового обложения падало прежде всего на непосредственных производителей-крестьян. Налоговая рефор-

ма Диоклетиана, завершенная Константином I, унифицировала существующую податную систему, основанную на натуральной подати (аннопа). Для свободных крестьян и колонов это означало дополнительное увеличение налогов. На основе принятой теперь сельскохозяйственной единицы измерения было установлено единое обложение налогом, величина которого менялась в зависимости от качества земли, производимых продуктов и близости к торговым путям. Такая единица измерения или налога называлась *iugum*. Стоимость продуктов определялась на основе данного числа единиц измерения. Величина *iugum* соответствовала рабочей силе, затраченной человеком на обработку одного *iugum* земли. В этом исчислении рабочая сила раба приравнивалась рабочей силе свободного, рабочая сила двух женщин соответствовала рабочей силе одного мужчины. Эту рабочую силу человека называли *caput* (голова, человек). Налоговая система в целом называлась *iugatio — capitatio*. Высота обложения налогоплательщиков пересматривалась сначала через каждые пять, потом через каждые пятнадцать лет. При этом исходили всегда из потребности в налоге, а не из производительной способности крестьянина. Крестьян принуждали платить налог и за прилегающие к их хозяйствам пустующие земли⁴².

Наряду с аннопа существовали и налоги, которые надлежало уплачивать в денежной форме; ими облагались сенаторы, купцы и ремесленники городов.

Диоклетиан пытался стабилизировать стоимость денег посредством введения единообразия и в монетную систему. Проведенная им в 292 г. монетная реформа должна была устранить финансовые трудности. Он сократил денежное обращение, снизил номинал бронзовых монет на 50% и выпустил новые золотые монеты, реальная стоимость которых даже превышала их номинальную стоимость. Однако эта реформа не устранила существующие трудности, так как богатые стали собирать ценные монеты. Урон понесли бедняки, которые не могли приобрести золотые монеты и вынуждены были и впредь довольствоваться медными, стоимость которых по отношению к ценам на золото и серебро все время падала⁴³.

То же намерение императора обусловило изданный в 301 г. эдикт, устанавливавший в денариях наивысшие цены на 1000 товаров, максимальный тариф на 75 транспортных перевозок и высшую оплату 130 родов трудовой деятельности (*Edictum de pretiis rerum venalium*). Предполагалось, что рост цен вызван лишь спекуляцией ростовщиков и купцов. Цены и оплата труда соответствовали принятым в восточной части Империи, но должны были действовать во всей Империи. Однако в Империи отсутствовал единый внутренний рынок, что позволяло кушмам отправлять свои товары туда, где они могли рассчитывать на большую выгоду. Несмотря на то что нарушение эдикта грозило смертной казнью, он вскоре перестал действовать⁴⁴.

Два сборника законов, составленных в правление Диоклетиана,